

— Превосходное оружие. Жаль, что я привык к мечу, иначе попросил бы у тебя эту саблю, хотя для временного пользования она вполне сгодится. И раз уж ты так сказал, не буду ломаться — прими мою благодарность. Неважно, победа или поражение, но если ты вызволишь мою дочь, моя жизнь будет принадлежать тебе. А теперь давай сделаем ставку на их свободу.

Монкрейд понимал: если они уйдут прямо сейчас, то обретут свободу, но без еды, припасов и с парой жалких клинков в руках им останется лишь путь разбойников. Это было оскорблением их чести, с чем он не мог смириться. То же касалось и его людей. Ради дочери он мог заставить себя закрыть глаза на многое, но не имел права решать судьбу своих воинов.

— Господин, не нужно никаких состязаний, — произнесли остальные шестнадцать рабов, один за другим опускаясь на колено перед Монкрейдом. — Если он приложит все силы, чтобы спасти наших близких, то почему бы нам не отдать ему свои жизни? Разве стать разбойниками — такая уж беда? Мы согласны, лишь бы ты сдержал свое слово.

— Верно, господин, если они помогут, мы готовы продать свои жизни.

— Именно так, господин, не нужно больше состязаться. Куда бы ты ни отправился, мы последуем за тобой до самой смерти.

Они были благодарны своему командиру за то, что он до последнего заботился о них, но в их душах не осталось места для бывшей гордости. Как бывшие рыцари, некогда составлявшие гордость Империи Цзяло, они были сломлены этим падением. Какая разница, кем быть теперь, даже если разбойниками?

— Ха, и правда, какая разница? Саблю пока одолжу, как раздобуду что-то подходящее — верну. Теперь принимай нас. Но помни, подчиняться мы будем только твоим приказам. Надеюсь, ты не нарушишь обещание и будешь хорошо с ними обращаться.

Монкрейд замер, его лицо внезапно стало печальным и отрешенным, а в глазах блеснули слезы. Да, та честь, которую они когда-то защищали, теперь не стоила ничего. Он горько усмехнулся, быстро взял себя в руки, опустил на колено и, уперев саблю Чу Фэя в землю, прижал лоб к рукояти, присягая ему на верность по всем правилам рыцарей Империи Цзяло.

— Как вернемся в Поселение Чу, я подарю тебе отличный меч. Что до моего слова — я сделаю всё возможное и невозможное, чтобы сдержать его. В нашем поселении нет места подлости: раз уж вступил в наши ряды, значит, стал родным братом, и никто не посмеет тебя притеснять.

Чу Фэй был взволнован. Еще бы, ему удалось заполучить такую легендарную личность, прославленного полководца! Конечно, пока рано было говорить о полной преданности, но он не бросал слов на ветер и действительно собирался вызволить их семьи. Он искренне не хотел, чтобы семьи настоящих воинов прозябали в такой нищете. Рано или поздно они присягнут ему всем сердцем — это был лишь вопрос времени.

— Но поединок всё равно состоится, когда вернемся. Мне не терпится испытать твою силу, — Чу Фэй слез с лошади, помог Монкрейду подняться и, протянув ему ножны, которые снял с седла, улыбнулся.

— Поздравляю, парень! Я тут слушал вас и даже завидовать начал. Если бы не боялся, что не прокормлю такую ораву, сам бы забрал этого парня себе. Бог Войны Цзяло — ты сорвал куш! Но поторопись, тебе еще нужно выбирать? Время идет, если закончил — собирай их в путь, мне пора возвращать своих людей домой.

Кирол говорил полушутя, подгоняя их. Они были в пути уже несколько дней и хотели поскорее вернуться.

— Тебе ведь еще троих не хватает? Могу порекомендовать одного, хотя он не военнопленный, а возница. Тоже раб, выходец из Мочжоу. Не знаю, умеет ли он воевать, да и кто он такой — неизвестно, но чувствую, человек он не простой.

Поскольку Восточные страны сотни лет назад были объединены императором Циюанем, там, как и в Центральных землях, говорили на языке народа Ся. Даже после падения Великой Ци и возрождения собственных языков в четырех государствах, язык Ся оставался общим для всего Восточного континента. Рабы, предназначенные для продажи в Империю Дагань, где правили люди Ся, были обязаны выучить этот язык. Монкрейд без труда понимал разговор Чу Фэя с работником и, указав на человека с угольно-черной кожей, сделал свое предложение.

— Эй, того человека тоже отдавай мне. В придачу к этим семнадцати — и по рукам. Считаю, я сэкономил тебе двух рабов.

Работник был только рад. Чернокожие возницы стоили копейки, их покупали за бесценок, и они не шли ни в какое сравнение с ценными военнопленными. Обменять одного возницу на трех солдат — это была чистая прибыль. Если бы он не боялся отказа, он бы отдал всех возниц, лишь бы вернуть пленных из Первого легиона. А вот о Монкрейде он даже не мечтал — дураков нет.

— Решено. Освободите лошадей для братьев, у кого есть лишнее снаряжение — отдавайте, верну с лихвой, когда вернемся. А теперь за дело: напоить лошадей, самим поесть. Две четверти часа на отдых — и в путь.

Дорожная пошлина была собрана, пора было двигаться дальше. Попрощавшись с Киролом, отряд Чу Фэя, теперь уже с пополнением, отправился в обратный путь.

Возвращение в Поселение Чу заняло десять дней. Небольшая песчаная буря сильно задержала их, едва не оставив отряд без провизии. Вслед за бурей на них попыталась напасть банда из двух сотен настоящих разбойников — они явно выслеживали партию рабов и решили воспользоваться слабостью измотанного отряда.

Однако эта стычка позволила людям Чу Фэя и отряду Монкрейда увидеть друг друга в деле. Результат превзошел все ожидания: воины прониклись взаимным уважением. А строй, в котором семнадцать рыцарей Монкрейда пошли в атаку — четкий, сложенный и сокрушительный — заставил Чу Фэя ликовать: он нашел настоящее сокровище.

Но самым большим сюрпризом стал тот самый чернокожий возница. При росте более двух метров, на вид он казался истощенным, но стоило ему разорвать на себе грубую льняную рубаху, как наружу проступили невероятно мощные, словно высеченные из камня мышцы. Этот человек обладал чудовищной силой: он в одиночку мог удержать на месте двух рвущихся в разные стороны боевых коней.

Работорговец, узнав об этом, кусал локти и не раз проклинал свою недалёковидность, но Чу Фэя это уже не заботило. Он был счастлив. Если бы не долгий путь и нужда в припасах, он бы еще остался здесь в надежде на новые приключения — желательно такие, где можно было бы и людей набрать, и повоевать, и врагам задать жару.

Однако он не ожидал, что, едва переступив порог родного поселения, он будет вынужден снова собираться в путь, на этот раз — в дальний поход.

<http://bllate.org/book/20000/1972258>